

О символике войны в ритуалах и материальной культуре рыцарства

Шамшина Дарья

Шамшина Дар'я. Про символіку війни в ритуалах і матеріальній культурі лицарства. Досліджена у статті проблематика символічного поля лицарської ментальності дозволяє по-новому поглянути на героїчний ідеал лицарства зі зверненням до феномену образно-ритуальної фіксації ідеології. Символи матеріальної та духовної культури озброєних вершників в аспекті військового ремесла виконують найважливішу місію їх ментального відособлення в напрямках професійно-місіонерському, соціально-стратифікаційному і міфо-релігійному. Отже, подальша комплексна реконструкція лицарської ідеології і ментальності як символічної системи визначає наукові перспективи сучасної медієвістики, соціальної та культурної антропології.

Ключові слова: лицарство, ментальність, символи, культура.

Шамшина Дарья. О символике войны в ритуалах и материальной культуре рыцарства. Исследуемая в статье проблематика символического поля рыцарской ментальности позволяет по-новому взглянуть на героический идеал рыцарства с учетом феномена образно-ритуальной фиксации идеологии. Символы материальной и духовной культуры вооруженных всадников в аспекте военного ремесла выполняют важнейшую миссию их ментального обособления в направлениях профессионально-миссионерском, социально-стратификационном и мифо-религиозном. Отсюда, дальнейшая комплексная реконструкция рыцарской идеологии и ментальности как символической системы определяет научные перспективы современной медиевистики, социальной и культурной антропологии.

Ключевые слова: рыцарство, ментальность, символы, культура.

Shamshina Darya. About War Symbolism in Rituals and Material Culture of the Chivalry. The problem given in the article consists in researching the symbolic field of chivalric mentality that allows offering the new point of view to the heroic ideal of the chivalry taking into account the phenomenon of the sacral fixing of ideology. Symbols of material and spiritual culture of the armed riders in the aspect of war execute the major mission of their mental isolation in several

directions, such as professional, social and religious one. Thus, further complex reconstruction of chivalric ideology and mentality as a symbolic system determines is the next scientific issue to be researched in the modern cultural studies.

Keywords: the chivalry, mentality, symbols, culture.

Одной из отличительных особенностей средневековой эпохи является присущий ей символизм: отражение моральных ценностей и психологических установок сословия в повседневных ритуалах, вещественных фетишах, бессознательной жестикуляции. Подобную характеристику дает П. М. Бицилли естественному слиянию символического объекта и отождествляемого с ним элемента культуры: «Материальное и духовное не различаются, как две несводимые области – царство необходимости и царство свободы, но объединяется в общую сферу, где господствует обычай» [2, с. 35]. Согласимся также с Й. Хейзингой: потребность средневекового общества в создании символической системы мира объясняется необходимостью для человека ассоциировать зачастую эфемерные этические представления с реальными предметами, придавать сфере духа большей «телесности» для лучшего ее понимания [15, р. 232].

Стоит подчеркнуть, что особое аллегорическое восприятие предметов характерно и для западноевропейского рыцарства Высокого Средневековья [6, с. 68]. В центре наших исследовательских интересов находится проблема символического перехода военного ремесла с поля брани в ритуальную жизнь и материальную культуру социального слоя вооруженных всадников X–XV вв.

Научная новизна проблематики состоит в инновационном походе к символическому миру прежде всего как к системе образно-ритуальной фиксации морального кодекса и – отсюда – необходимости исследовать значение подобной «отраженности» для эволюции рыцарской ментальности. Кроме того, предпринимается попытка обращения не только к исторической методологии, но и к понятийному аппарату социокультурной антропологии. Подчеркнем, что подобная постановка вопроса видится чрезвычайно актуальной и перспективной, поскольку позволяет внести ясность в специфику мировоззрения и категории морали, которыми стоит руководствоваться при обращении к культуре средневекового социума и микрокосму личности рыцаря.

Отдельные аспекты рыцарской символики уже рассматривались ранее в отечественной и зарубежной историографии: в работах П. М. Бицилли и А. Я. Гуревича о категориях средневековой культуры [2, с. 32-35; 4, с. 121-130], монографиях Ж. -К. Шмита о роли жеста для общественных сословий [8, с. 399-403], К. -М. Скорге – о военных идеалах рыцарства [20, р. 15-18], или в воистину энциклопедических трудах Й. Хейзинги и Ж. Дюби о культурно-исторических доминантах Европы XIV-XV вв. [15, р. 214-252; 5, с. 148-160] Источниковая база представлена как

письменными нарративными памятками (средневековые Хроники Жана Фруассара [7, с. 205-211; 11, р. 186-189], трактаты о рыцарстве Рамона Луллия и Жоффруа де Шарни [14, р. 71-72; 19, р. 96-101], трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» [1, с. 310-321], шедевры героического эпоса [21, р. 53-57, 62-68;], куртуазного романа [10, р. 78-83, 92-93, 105-109; 18, р. 473-476, 501-507], лирики трубадуров, труверов и миннезингеров), так и вещественными источниками (книжные миниатюры и геральдические знаки) [1, с. 315-321].

Следовательно, можно говорить о научной необходимости специальной разработки проблематики триального преломления символики, идеологии и социальной практики рыцарства именно в категориальном аспекте военного ремесла. Поэтому основной целью работы является рассмотрение символического поля героического идеала рыцарства. Отсюда, поставлены задачи осветить феномен «оживления» предметного мира вооруженной кавалерии, ритуальную взаимосвязь деяний с идеалами, а также сделать вывод о роли символики войны для становления и развития рыцарского типа ментальности.

Прежде всего, стоит отметить, что стремление к героическому идеалу и постоянное занятие военным делом способствовало переоценке функционального значения «орудий труда» рыцаря (оружия и лошади) и преобразования их в особые мифо-религиозные символы [13, р. 27]. Так, к мечу воины героического эпоса относятся как к одушевленному существу, внушающему любовь и уважение, называя его «ясным», «добрым», «славным», «верным», «могучим», «исполинским», «мечом-красавцем», «даром драгоценным» [21, р. 54, 57, 68]. Обретая имя, меч становится не только продолжением образа рыцаря, но живым персонажем и отдельной личностью: так происходит с Дюрендалем Роланда, Альтеклером его друга Оливера, Жуазом Карла Великого, Эскалибуром короля Артура, Грамом Сигмунда, Бальмунгом Зигфрида, Коладой и Тизоном Сиды и т.д. [21, р. 54, 55, 57; 18, р. 475]. Доблестные воины высоко ценят орудие войны: меч готовы отдавать в приданное дочерям и жертвовать им ради установления мира, с ним даже беседуют в последние минуты перед смертью и хранят в его рукояти священные реликвии [18, р. 475-476; 21, р. 67].

Подобная аллегорическая роль в ментальности отводится и рыцарскому коню, ибо конь для рыцаря – это не просто средство передвижения, но верный друг и собрат по доблестным подвигам. Так, в одном из своих фавлье Леруа Гугон пишет, что «юноша любил коня, гораздо более ценя любых сокровищ» [Цит. по: 4, с. 151], а Ивейн в одноименном романе Кретьена де Труа провозглашает делом чести даже сохранить жизнь боевого скакуна соперника: «При мастерстве необходимом конь остается невредимым, противнику пробей броню, не повредив его коню» [10, р. 92]. Особое место лошади и оружия в рыцарской культуре отразилось и в героических эпических поэмах, ведь там участники любого сражения стремятся захватить как можно больше

коней. М. Кин считает это реальной проекцией действительности, поскольку в качестве самого щедрого подарка вассалы любого сеньора получали именно отборных коней и хорошее оружие [16, р. 172].

То же касается и определенного церемониала всех обычаев, производных из морального кодекса воина. Оценивая значение ритуальной жизни сословия для формирования рыцарской ментальности, отметим, что она здесь выполняла тройную функцию: профессионально-миссионерскую, социально-стратификационную и мифо-религиозную. То есть, во-первых, ритуалы способствовали первичному растолкованию положения рыцарства для остальных сословий и групп общества [12, р. 249]. Во-вторых, служили методом социализации рыцарей внутри конного товарищества и, наконец, в-третьих, использовались для выработки идейных основ, сплавивая круги кавалерии [5, с. 150; 9, р. 48]. Значительное внимание знаковой системе церемоний в своем исследовании уделяет Ж. -К. Шмит., в частности, он приходит к выводу, что каждый рыцарь должен был владеть определенной «телесной техникой», которая имела символическую ценность, ибо позволяла зачислять нового человека в орден воинов [8, с. 407]. Классик школы Анналов М. Блок также выделяет характерные для «bellatores» жесты «второй функции», а именно «жесты крови», отличавшие феодальную аристократию [3, с. 74].

В качестве характерного примера можно привести обычай фиксации вассально-сеньориальных отношений в виде оммажа – даже этимология самого понятия связана с идеей рыцарской чести и верности господину. Обратимся к опыту раздачи земель Вильгельмом Завоевателем, когда «рыцари вложили свои безоружные руки в его, он же даровал своим вассалам равенство, наделяя их честью, делая как бы своими приемными детьми» [5, с. 19]. Рыцари обычно клялись оказывать своему сюзерену «совет и помощь», а он в свою очередь – доставлять им источник дохода в виде земельного держания. Здесь, на наш взгляд, очень верно символически отображена система семейных отношений «отца»-«детей» и несколько противоречащая ей концепция единого братства равных, ведь сеньор – всегда первый из них. Дух корпоративности в рыцарском воинстве должна была развивать и так называемая «клятва фазана», когда совместное вкушение мяса этой птицы и последовательный обет быть верным своим товарищам пэрэм воспринимались как обретение крепких дружеских уз и дальнейшее обязательство в мирной жизни и помощи друг другу [17, р. 56].

Таким образом, символическое поле, окружавшее рыцаря в повседневной жизни, было призвано неустанно напоминать о его профессиональной миссии, социальной стратификации и четком круге заповедей, который каждый представитель благородного сословия обязывался поддерживать. В качестве основного исследовательского вывода подчеркнем, что консолидация рыцарства под боевыми знаменами и ментальное обособление происходят именно благодаря

весомейшей роли в этих культурно-исторических процессах системы образно-ритуальной фиксации морального кодекса. Дальнейшая реконструкция ряда категорий рыцарской ментальности посредством обращения к материальной и духовной культуре рыцарства как к особой символической системе представляется весьма перспективной, поскольку эта проблематика нуждается, прежде всего, в полноте комплексного рассмотрения.

Литература

1. *Бартоло ди Сассоферрато*. О знаках и гербах / Бартоло ди Сассоферрато // СВ. – 1989. – Вып. 52. – С. 310-321.
2. *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры / П. М. Бицилли. – СПб., 1995.
3. *Блок М.* Апология истории или Ремесло историка / Марк Блок. – М., 1986.
4. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1972.
5. *Дюби Ж.* Европа в средние века / Жорж Дюби. – Смоленск, 1994.
6. *Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства / Жан Флори. – СПб., 1999.
7. *Фруассар Ж.* Хроники, 1325-1340 / Жан Фруассар / Пер., сост., предисл., прим., указат., М. В. Аникиева. - СПб., 2008.
8. *Шмітт Ж-К.* Сенс жесту на середньовічному Заході / Жан-Клод Шмітт. – Харків, 2002.
9. *Born to Kill: «Warrior Races» in Medieval Europe* // *History Today*. – London. – 2005. – № 1. – P. 47-53.
10. *Chrétien de Troyes.* Yvain; Or, the Knight with the Lion / Chrétien de Troyes. – Athens, 1975.
11. *Chroniques de J. Froissart* / Jean de Froissart. – Paris, 1869. – Vol. 1. 1325-1340.
12. *Davies N.* Europe: a History / Norman Davies. – Oxford – New York, 1997.
13. *Fiero Gloria K.* Medieval Europe and the World Beyond / Gloria K. Fiero. – London, 1995.
14. *Geoffroi de Charny.* The Book of Chivalry / Geoffroi de Charny. – Pennsylvania, 2005.
15. *Huizinga J.* The Waning of the Middle Ages / Johan Huizinga. – Dover, 1999.
16. *Keen M.* Chivalry / Maurice Keen. – Yale, 2005.
17. *Keen M.* «Huizinga, Kilgour and the Decline of Chivalry» in *Medievalia et Humanistica. Studies in Medieval & Renaissance Culture* / Maurice Keen. – Cambridge, 1977.
18. *Malory T.* Morte d'Arthur: Sir Thomas Malory's Book of King Arthur & of his Noble Knights of his Round Table / Thomas Malory. – Oxford, 1979.
19. *Ramon Lull.* The Book of the Order of Chivalry / Ramon Lull. – Houston, 1991.
20. *Skorge Kristel Mari.* Ideals and Values in Jean Froissart's Chroniques / Kristel Mari Skorge. – Bergen, 2006.
21. *The Song of Roland.* – London, 1990.
22. *World civilizations* / Vol. 1. Sources, images, interpretations. – New York, 1994.